

УДК 347.44
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_10

Бурдуков Максим Юрьевич

maks4823@gmail.com
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Бандо Михаил Владимирович

Доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического
университета, кандидат юридических наук

**Проблемы толкования
односторонних сделок
в российском правовом порядке**

Бурдуков М.Ю. / Проблемы толкования
односторонних сделок в Российском правовом порядке // Урал
Юридический журнал правовых исследований. 2023. № 2.
С. 10–15. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_10

Аннотация:

Данная статья посвящена исследованию современных проблем толкования односторонних сделок в Российской Федерации. Несмотря на распространенность указанных сделок в обороте, отечественная судебная практика до сих пор не выработала общих подходов к их толкованию. Автор берет за основу деление односторонних сделок на требующие и не требующие восприятия в целях демонстрации зависимости применяемого подхода к толкованию от необходимости восприятия волеизъявления другим лицом. В случаях, когда речь идет об односторонних сделках, адресованных отдельным лицам, по мнению автора, следует исходить при толковании из горизонта восприятия адресата волеизъявления. В случаях, когда волеизъявление не имеет конкретного адресата, а обращено по отношению к неопределенному кругу лиц, автор статьи полагает, что необходимо ориентироваться на то, как волеизъявление было бы воспринято среднестатистическим участником оборота. Анализируя односторонние сделки, не требующие восприятия, автор акцентирует внимание на толковании завещаний, как единственной односторонней сделке, вопросы толкования которой непосредственно закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации. С точки зрения автора, приоритетным при толковании должен быть учет действительной воли завещателя, поскольку это в наибольшей степени соответствует одному из основополагающих принципов наследственного права, а именно принципу учета действительной и предполагаемой воли наследодателя. В конце статьи автор приходит к выводу о необходимости дальнейшей проработки методологии толкования односторонних волеизъявлений с целью выработки актуальных подходов интерпретации, которые смогли бы применять суды при разрешении конкретных споров.

Ключевые слова:

толкование волеизъявления, односторонняя сделка, толкование договора, сделки требующие восприятия, гражданское право.

УДК 347.44
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_10

Maxim Yu. Burdukov

maks4823@gmail.com
Institute of State and International Law, Student
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Academic Supervisor:

Mikhail V. Bando

Associate Professor of Civil Law
Ural State Law University
Candidate of Juridical Sciences

**Problems of Interpretation
of Unilateral Transactions
in Russian Legal Order**

Maxim Yu. Burdukov / Problems of interpretation of
unilateral transactions in Russian legal order // Ural
Journal of Legal Studies. 2023. No. 2. P. 10–15.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_10

Abstract:

This article is devoted to the study of modern problems of interpretation of unilateral transactions in the Russian Federation. Despite the prevalence of these transactions in circulation, domestic judicial practice has not yet developed common approaches to the interpretation of this type of transactions. The author takes as a basis the division of unilateral transactions into those requiring and not requiring perception in order to demonstrate the dependence of the applied approach to interpretation on the need to perceive the will of another person. In cases where we are talking about unilateral transactions addressed to individuals, in the author's opinion, one should proceed from the horizon of perception of the addressee of the expression of will when interpreting. In cases where the will does not have a specific addressee, but is addressed to an indefinite circle of persons, the author of the article believes that it is necessary to focus on how the will would be perceived by the average participant in the turnover. Analyzing unilateral transactions that do not require perception, the author focuses on the interpretation of wills, as the only unilateral transaction, the interpretation of which is directly enshrined in the Civil Code of the Russian Federation. From the author's point of view, the priority in interpretation should be taking into account the actual will of the testator, since this is most consistent with one of the fundamental principles of inheritance law, namely the principle of taking into account the real and alleged will of the testator. At the end of the article, the author comes to the conclusion that it is necessary to further develop the methodology for interpreting unilateral declarations of will in order to develop relevant approaches to interpretation that could be applied by the courts in resolving specific disputes.

Keywords:

interpretation of will, unilateral transaction, contract interpretation, transactions requiring perception, civil law.

Статья 431 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) регулирует вопросы толкования договора в отечественном правовом порядке. Однако данная статья оставляет без внимания вопросы, связанные с толкованием односторонних волеизъявлений. Из буквального прочтения текста указанной статьи следует, что содержащиеся в ней правила толкования подлежат применению только по отношению к договору, то есть только к двухстороннему волеизъявлению. В связи с этим закономерно возникает целый ряд вопросов. Какими правилами следует руководствоваться суду при толковании односторонних волеизъявлений? Могут ли суды ориентироваться на методы толкования, применяемые при интерпретации договоров? Или же для односторонних сделок уместно применение иных методов толкования, отличающихся от тех, что применяются к двухсторонним волеизъявлениям? Ответы на данные вопросы видятся неоднозначными, на что справедливо обращали свое внимание А.К. Байрамкулов и А.Г. Карапетов [1, с. 566]. С одной стороны, учитывая, что нынешнее законодательство не содержит отдельной статьи, посвященной вопросам толкования односторонних сделок (помимо статьи 1132 ГК РФ, содержащей положения о толковании завещаний), а также тот факт, что статья 156 ГК РФ прямо указывает, что к односторонним сделкам применяются правила о договорах, если это не противоречит существу односторонней сделки, то вполне уместно утверждать, что к толкованию односторонних сделок применяются положения статьи 431 ГК РФ. С другой стороны, остается не ясным в какой мере существо односторонней сделки может влиять на используемые судом приемы толкования. Каких-либо четких разъяснений по этому поводу на уровне высших судебных инстанций на настоящий момент не содержится. В тоже время этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку односторонняя сделка также, как и договор обычно выражается в языковой форме, в связи с чем нередко может содержать в себе двусмысленные или противоречивые условия, которые требуют толкования судом при разрешении конкретного спора.

Следует подчеркнуть, что традиционно объектом толкования договора считается не договор сам по себе, а содержащиеся в нем волеизъявления сторон. Именно они подлежат интерпретации судом при разрешении спора. Так, например, в § 133 Германского гражданского уложения прямо указывается, что толкованию подлежат именно волеизъявления сторон¹. Этот же подход содержится и в актах международной унификации частного права². В связи с этим односторонние сделки могут подлежать толкованию судом, поскольку содержат в себе непосредственный объект толкования договора, а именно волеизъявление.

В целом в отечественной судебной практике положительно смотрят на возможность толкования односторонних сделок путем применения приемов толкования договора. Так, в судебных решениях можно найти применение правила *contra proferentem* по отношению к банковским гарантиям³. При этом существует также ряд судебных решений, в которых суд хоть прямо и не ссылается на статью 431 ГК РФ, но тем не менее использует содержащиеся в ней приемы толкования договора для ограничительного или распространительного толкования содер-

1 Германское гражданское уложение // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851#|OYJcqSjBP34d8UB> (дата обращения: 09.04.2023).

2 В ст. 8 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи 1980 г., содержатся правила толкования «заявлений и иного поведения сторон», которые применяются как к договорам, так и к односторонним сделкам. Принципы УНИДРУА также выделяют правила толкования «заявлений и иных действий» (ст. 4.2).

3 Определения судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 мая 2015 г. № 307-ЭС14-4641 и от 22 июня 2015 г. № 305-ЭС15-2155 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2023).

жания доверенности⁴.

В европейской правовой доктрине выделяются два основных подхода к толкованию волеизъявления (объективный и субъективный) [2, с. 54]. Субъективный подход предполагает, что суд при толковании должен учитывать то, как спорное условие было воспринято непосредственно его адресатом. При объективном же подходе суд должен учитывать то, как спорное условие было бы воспринято среднестатистическим участником оборота. Оба подхода в той или иной мере применяются судами при толковании договоров. Однако их применение к односторонним сделкам должно иметь определенную специфику. Дело в том, что односторонняя сделка в отличие от договоров не является результатом консенсуса двух волеизъявлений. Она содержит в себе лишь волеизъявление лица, совершающего сделку. Это, в свою очередь, предопределяет, что односторонняя сделка может влечь за собой юридические последствия независимо от её восприятия иными лицами. В связи с этим в немецкой доктрине принято делить односторонние сделки на требующие восприятия (*empfangsbedürftige Willenserklärung*) и не требующие восприятия (*nichtempfangsbedürftige Willenserklärung*) [3, с. 333] (обычно указывают, что первым кто предложил указанное деление в немецкой правовой науке был Э. Цительман) [4, с. 103]. Указанная классификация будет использована нами в дальнейшем, чтобы продемонстрировать, зависимость применяемого подхода к толкованию от необходимости восприятия волеизъявления иным лицом.

Односторонние сделки, требующие восприятия (*empfangsbedürftige Willenserklärung*)

Данная категория односторонних сделок является наиболее близкой к договорам, поскольку так же, как и двухсторонние сделки, всегда предполагает существование восприятия другого лица. При этом в рамках указанной категории следует различать сделки, адресованные конкретному лицу (например, заявление о зачете) и сделки, адресованные неопределенному кругу лиц (например, доверенность, уполномочивающая на совершение сделок с неопределённым кругом лиц). Применяемый к толкованию односторонних сделок подход будет зависеть от того, кому адресовано волеизъявление.

В случаях, когда речь идет об односторонних сделках, адресованных отдельным лицам, при толковании следует исходить из горизонта восприятия адресата волеизъявления. Это обуславливается тем, что юридические последствия сделки в данном случае непосредственно связаны с восприятием конкретного лица. Волеизъявление, являясь объективным выражением внутренней воли лица, совершающего одностороннюю сделку, приобретает необходимый юридический эффект именно в связи с её восприятием конкретным адресатом. Учитывая, что воля, будучи внутренним процессом, не может быть объектом толкования сама по себе (поскольку уяснение воли возможно лишь путем восприятия её внешних проявлений), вполне логично признать точку зрения конкретного адресата релевантной для толкования волеизъявления.

Другая ситуация возникает, когда волеизъявление не имеет конкретного адресата, а обращено неопределенному кругу лиц. В этом случае отсутствует

4 Постановление ФАС Уральского округа от 16.08.2004 № Ф09-2575/04-ГК по делу № А71-342/03, Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.03.2009 по делу № А66-4574/2008, Постановление ФАС Уральского округа от 29.10.2002 по делу № А60-12433/2002-С3 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 09.04.2023).

определенное лицо, на чье восприятие возможно было бы ориентироваться суду при толковании волеизъявления. Думается, что в таком случае суду необходимо обращаться к объективному подходу в толковании и ориентироваться на то, как волеизъявление было бы воспринято среднестатистическим участником оборота. Схожую позицию выражают А.В. Егоров и Е.А. Папченкова, предлагая решать вопрос о толковании доверенности исходя из горизонта восприятия того, кому она адресована [5, с. 147].

Следует также отметить, что подобный подход к толкованию односторонних волеизъявлений закреплен в Модельных правилах европейского частного права. Так, в ст. II. – 8:201 данного акта указывается, что односторонний юридический акт толкуется в соответствии с тем, как он был воспринят адресатом (пункт 1). При этом внутреннее отношение к волеизъявлению самого лица, изъявляющего волю, учитывается только при условии, что адресат не мог не знать о содержании данной воли (пункт 2). В случае же, если восприятие адресата невозможно определить, в расчет должно приниматься восприятие разумного третьего лица (пункт 3) [6, с. 81].

Односторонние сделки, не требующие восприятия (nichtempfangsbedürftige Willenserklärung)

Более сложная ситуация возникает, когда речь идет об односторонних сделках, не требующих восприятия. Поскольку указанные сделки не нуждаются в восприятии третьих лиц для того, чтобы иметь юридический эффект, применение общих подходов к толкованию договоров наталкивается на определенные затруднения. По мнению А. А. Панова, сделки, не требующие восприятия, в целом являются исключениями из общего правила [7, с. 66]. Обычно в качестве примера односторонней сделки, не требующей восприятия, приводят завещание (хотя существует позиция, согласно которой завещание вступает в силу только с момента открытия наследства, то есть с момента восприятия третьими лицами) [8, С. 231-232]. Характерно, что завещание является единственным видом односторонних сделок, для которой в ГК РФ предусмотрена отдельная статья о толкования, а именно статья 1132 ГК РФ.

Указанная статья предполагает существование более строго подхода к толкованию завещаний по сравнению с толкованием договоров. Так, согласно статье 1132 ГК РФ завещание должно толковаться с учетом буквального значения слов и выражений, а также путем сопоставления с другими положениями и текстом завещания в целом. В случае же если вышеуказанного для толкования завещания будет недостаточно, суд не имеет права, в отличии от договора, ссылаться на иные источники информации в целях выявления истинной воли завещателя. Подобный подход законодателя не может не вызывать сомнения. Завещание, являясь односторонней сделкой, не требующей восприятия, не имеет другой стороны, которая могла бы полагаться на воспринятое ей волеизъявление. Более того, отсутствие указанной стороны никак не влияет на юридическую действительность завещания. Следовательно, необходимость в установлении более строгих правил толкования в данном случае отсутствует. По справедливому замечанию Е. Ю. Петрова, данная статья устанавливает приоритет волеизъявления завещателя над его истинной волей, тем самым порождая возможность вынесения несправедливых судебных решений игнорирующих последнюю волю наследодателя [9, с. 220].

Предлагая более предпочтительный подход к толкованию завещаний, необходимо подчеркнуть, что приоритетным при толковании должен быть учет действительной воли завещателя, поскольку это в наибольшей степени соответствует одному из основополагающих принципов наследственного права, а именно принципу учета действительной и предполагаемой воли наследодателя. В связи с этим, акцент при толковании завещания должен быть сделан не на горизонте восприятия адресатов завещания, или на разумных ожиданиях третьих лиц, а на выявлении истинной воли наследодателя. Для выявления этой воли целесообразно использовать при толковании любые внешние источники информации, позволяющие выявить чего на самом деле хотел завещатель. По мнению С. Ю. Болонина, к внешним источникам, которые могут быть использованы для данной цели можно отнести: личные письма, личное отношение к возможным наследникам и т.д. [10, с. 116].

Разумеется, возможно выдвижение противоположной точки зрения, акцентирующей внимание на том, что игнорирование буквального значения завещания может также привести к игнорированию истинной воли завещателя. Цитируя римского оратора Квинта Муция Сцевола в известном наследственном деле “Causa Curiana”: «было бы ловушкой для народа, оставив в пренебрежении написанный текст, заниматься розыском воображаемой воли завещателя». Это означало бы «толкованием красноречивых адвокатов извращать писания простых людей» [11, с. 365]. Кроме того, нельзя игнорировать то, что воля в завещании обращена к третьим лицам, то есть к наследникам, чьи разумные интересы также должны подлежать защите в целях поддержания правовой определенности. Более того, следует учитывать, что буквализм в толковании завещания снижает нагрузку на суды при рассмотрении споров, поскольку избавляет суды от необходимости каждый раз выискивать истинную волю наследодателя. Все эти аргументы, несомненно, должны быть учтены при формулировании наиболее сбалансированного подхода к толкованию завещаний, однако они не могут являться обоснованием для игнорирования действительной воли наследодателя в ситуациях, когда указанная воля вступает в противоречие с имеющимся перед судом волеизъявлением. Думается, что предпочтительным вариантом для отечественного правопорядка было бы установление опровержимой презумпции буквального значения текста завещания. В случае, если стороны наследственного спора не согласны с буквальным значением завещания, то они вправе будут ссылаться на внешние источники информации для подтверждения истинной воли наследодателя.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что в настоящий момент методология толкования односторонних сделок в отечественной доктрине находится в процессе своего становления. Необходима её дальнейшая проработка с целью выработки актуальных подходов к толкованию, которые смогли бы применять суды при разрешении конкретных споров. Данные подходы могли бы получить свое непосредственное закрепление в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Думается, что содержащиеся в настоящей статье подходы к толкованию односторонних сделок могли бы стать неплохим подспорьем для дальнейших исследований.

Библиографический список:

1. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. 1425 с.
2. Байрамкулов А. К. Особенности толкования договора в российском гражданском праве: дисс... канд. юр. наук. Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2015. 242 с.
3. Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву // Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. 479 с.
4. Желонкин С.С. Сделки, требующие восприятия в контексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 // Юридическая мысль. 2016. № 2 (94). С. 102–105.
5. Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. – М.: Статут, 2016. 383 с.
6. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. 989 с.
7. Панов А.А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестник гражданского права. 2011. № 1. С. 52-81.
8. Манигк А. Развитие и критика учения о волеизъявлении // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 231-260.
9. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е.Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018. 656 с.
10. Болонин С. Ю. Особенности правотолкования при автономном индивидуально-правовом регулировании // Russian Journal of Economics and Law. 2010. №2 (14). 203 с.
11. Римское частное право: учебник для вузов / отв. редакторы И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. – М.: Издательство Юрайт, 2023. 607 с

References:

1. Karapetov A. G. (ed.) (2020). Contract law (general part): article by-article commentary on articles 420-453 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos. 1425 p.
2. Bayramkulov A. K. (2015). Features of the interpretation of the contract in Russian civil law: diss ... cand. legal Sciences. Institute of Legislation and Comparison. jurisprudence under the Government of the Russian Federation. 242 p.
3. Cherepakhin B.B. (2001). Succession in Soviet civil law. Works on civil law. Moscow: Statute. 479 p.
4. Zhelonkin S.S. (2016). Transactions requiring perception in the context of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 № 25. Legal Thought. 2 (94). P. 102-105.
5. Egorov A.V., Papchenkova E.A., Shirvindt A.M. (2016). Representation: a study of judicial practice. Moscow: Statute. 383 p.
6. Rasskazova N.Yu. (ed.) (2013). Model rules of European private law. Moscow: Statut. 989 p.
7. Panov A.A. (2011). To the question of the categories of will, will and vice of will in the theory of a legal transaction. Bulletin of Civil Law.1. P. 52-81.
8. Manigk A. (2008). Development and criticism of the doctrine of the will. Bulletin of Civil Law. 2. P. 231-260.
9. Petrov E.Yu. (ed.) (2018). Inheritance law: article-by-article commentary on articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos. 656 p.
10. Bolonin S. Yu. (2010). Features of legal interpretation in autonomous individual legal regulation. Russian Journal of Economics and Law. 2 (14). 203 p.
11. Novitsky I. B., Peretersky I. S. (ed.) (2023). Roman private law: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House. 607 p.